

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П85

Выражаем признательность за неоценимую помощь
в подготовке текста Я. Рачинскому, председателю правления
Международного Мемориала

Роман Романов, директор Музея истории ГУЛАГа,
руководитель Фонда Памяти

«Спасская красавица». 14 лет в ГУЛАГе агронома
П85 Кузнецова / авт-сост. Сергей Прудовский. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Очевидцы эпохи).

ISBN 978-5-17-114480-7

Появлению этой книги на свет предшествовали 10 лет поисков, изучения архивов и баз данных, возвращения имен, вычеркнутых в период советских репрессий. Погружаясь в историю своего деда, Сергей Борисович Прудовский проделал феноменальную работу, восстановив информацию о сотнях людей, пострадавших от государственного террора. От интереса к личной семейной истории он дошел до подробного изучения «Харбинской операции», а затем и всех национальных операций НКВД, многие документы которых не исследованы до сих пор.

Книга позволяет проделать путь Сергея Борисовича за несколько часов: проследить историю его деда, пережившего 14 лет лагерей, и изучить документы, сопровождавшие каждый этап его жизни. Надеюсь, что этот труд будет для многих наших соотечественников примером поиска информации о своих репрессированных родственниках и возвращения их судеб из небытия.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114480-7

- © Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», текст
- © И. Щербакова, предисловие
- © Р. Романов, аннотация
- © С. Прудовский, фото из семейного архива
- © ООО «Издательство АСТ»

Мемуары Степана Ивановича Кузнецова, которые публикуются в этой книге, взяты из обширного архивного собрания общества «Мемориал».

По жанру их можно было бы отнести к «типичным» лагерным воспоминаниям представителей новой советской интеллигенции 1930-х годов: инженеров, учителей, врачей и т.д., ставших жертвами массовых репрессий. Почему именно эти записки выбраны для публикации и чем интересны для сегодняшнего читателя?

3

Агроному Кузнецову, вернувшемуся в СССР из Харбина в 1935 году, после работы на КВЖД, невероятно повезло. Он имел все шансы разделить трагическую судьбу большинства КВЖДинцев, расстрелянных в годы Большого террора. Но «харбинская операция» настигла его только в 1941 году, «рикошетом», — и, пройдя через тяжелейшее следствие, побывав на Лубянке, в Лефортово, в пыточной Сухановке, приговоренный к 15 годам лагерей, он чудесным образом все-таки остался жив.

Эти воспоминания написаны искренним и честным человеком. При их чтении может показаться, что автор порой даже слишком простодушен и наивен, лишен рефлексии, но именно это делает его рассказ достоверным, без лакун, умолчаний и вытеснений, присущих многим лагерным мемуарам. Поэтому ему удастся описать то, о чем рассказать очень трудно, — пытки и унижения, которым он подвергался во время следствия. И выжить ему удастся не за чей-то счет, а благодаря поразительной для его возраста (ему уже во время ареста за 50, и выходит он на свободу лишь через

14 лет) работоспособности, умелости, ясной голове и дружелюбию.

Заметки Степана Кузнецова не просто достоверны, они наполнены реалиями лагерной жизни, которые не вызывают ощущения перегруженности фактами или именами. Читать их увлекательно — это лагерная робинзонада человека, старающегося выкарабкаться из обстоятельств, которые неминуемо должны были бы обречь его на смерть от голода и непосильного труда. Один из секретов того, почему ему удалось выжить, — отношение к труду как к вечной ценности. Недаром он так болеет за урожай капусты, посаженный заключенными-инвалидами в безводной степи, так гордится выведенным в Спасске в тяжелейших условиях Степлага новым сортом помидоров, который получает название «Спасская красавица».

Именно искренность Степана Кузнецова позволяет в какой-то мере понять то, что сегодняшнему читателю осознать почти невозможно: как могли такие люди, как он, пройдя через сталинские тюрьмы и лагеря, оставаться преданными советской власти и Коммунистической партии. Ведь он знал, что сажают всех его друзей-харбинцев, понимал — узнал от следователя и на личном опыте, — что признательные показания сотрудники НКВД получают от арестованных под пытками, и что действуют они по указанию сверху. Но и это не могло поколебать его веру. Характерен эпизод в его воспоминаниях, когда, оказавшись в одной камере с заключенным-поляком и вернувшись с пыточного допроса, он «своему соседу не обмолвился ни единым словом о производимой экзекуции, считая, что этим позорным делом делиться с иностранцем не следует. Мы эти временные позорные явления как-нибудь внутри себя переживем, без вмешательства и сострадания со стороны».

И даже после многолетних лагерных мытарств он по-прежнему считает себя советским человеком и коммунистом, который и в каторжном лагере работает «на благо страны» — «не за страх, а за совесть», как он сам пишет. Эта вера в партию и в советскую власть, невозможность расстаться с идеалами своей молодости, вела в результате к двоемыслию, переходящему в самогипноз. И так было со

многими коммунистами, которые, даже выйдя из сталинских лагерей, не хотели признать очевидного — ответственности партии и государства за массовый террор.

Однако эта вера не мешает Степану Кузнецову правдиво описывать бесчеловечный и проникнутый жестокостью и цинизмом мир ГУЛАГа, где эпизоды, касающиеся, например, женщин в лагере и поведения блатных, и многие другие, напоминают рассказы Шаламова.

Ценность этих воспоминаний еще и в том, что они принадлежат к числу ранних, написанных по свежим следам — после 20 съезда, но до публикации в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича» и вызванного этой публикацией потока лагерной мемуаристики. Их автор умер за полгода до того, как повесть Солженицына увидела свет. И будем справедливы — тогда его точку зрения разделяли многие, мечтавая о возврате к «ленинским нормам», считая, что ответственность за то, что с ними было, лежит лишь на Сталине и органах НКВД. Поэтому Кузнецов и называет свои записки: «В угоду культа личности».

Конечно, он не мог тогда знать ни о механизме террора, ни об истинном размахе репрессий, ни о многом другом, о чем нам известно сегодня. Не знал о том, что его судьба, как и судьба сотен тысяч таких, как он, была predetermined распоряжениями и приказами, исходившими с самого верха. Этот труд — показать, как работала государственная машина, в жернова которой попал Степан Кузнецов, проделал спустя много лет его внук Сергей Прудовский.

Документы, собранные им в разных архивах, и создают фон для рассказа советского человека, помещенного в оруэлловский абсурд сталинской реальности.

И. Щербакова,
председатель совета научно-информационного
и просветительского центра «Мемориал»

Введение

6

Мой дедушка, Степан Иванович Кузнецов, родился 12 (24 по новому стилю) июля 1889 года, в деревне Шумилово Оленинской волости Горбатовского уезда Нижегородской губернии (ныне Богородский район) в бедной крестьянской семье. Отец, Иван Николаевич, — землекоп, мать, Евдокия Кузьминична, — крестьянствовала на имеющихся трех десятинах земли и растила пятерых детей — двух сыновей и трех дочерей.

Закончив 3 класса церковно-приходской школы, дедушка с 11 лет начинает трудиться в Нижнем Новгороде, где работает землекопом его отец: сначала моет посуду в трактире, а начиная с 1904 года и по 1911 год — маляром: то у различных подрядчиков, то на Сормовском заводе, то снова у подрядчиков, то снова на Сормовском... Несколько раз его увольняют за участие в рабочем движении.

В ноябре 1909 года дедушка женится на Елизавете Мельниковой, 16-летней девушке из той же деревни, а через два года, в октябре 1911-го, его забирают в солдаты. Местом службы определен арсенал Московского Кремля, его артиллерийские мастерские.

Февральскую революцию, как, впрочем, и Октябрьскую, воспринял с большим энтузиазмом и принял в них посильное участие, даже был избран от артиллерийских мастерских арсенала Московского Кремля в Московский совет солдатских депутатов. К моменту октябрьского большевистского перево-

рота разделяет и поддерживает линию большевиков, а через год, в октябре 1918 года, Замоскворецкий райком ВКП(б) Москвы принимает его в члены партии.

С 1918 по 1920 год продолжает служить там же, в мастерских арсенала, но уже в качестве красноармейца. Затем поступает на рабфак им. Покровского 1-го Московского государственного университета, биологическое отделение которого оканчивает в августе 1922 г. С сентября того же года продолжает образование в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Оканчивает ее в январе 1927 года. Учебу совмещает с работой, сначала на выборной должности члена правления «Коопрабфаквуз»¹, затем в издательствах «Висти» ВУЦВКа УССР и «ТСА-кинопечать».

В мае 1928 года по решению ЦК ВКП(б) направлен на работу в отдел семеноводства Наркомзема РСФСР, откуда в апреле 1929 года командировается на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) для изучения агротехники соевых бобов. Командировку прервал вооруженный конфликт², и в конце июля 1929 года Степан Иванович возвращается в Москву, в Наркомзем.

Конфликт на КВЖД завершается в самом конце года, а уже в конце января 1930 года — новая командировка в Харбин. Задание — закупка посевного материала соевых бобов в количестве 300 тыс. пудов. По выполнении этого задания Управление КВЖД ходатайствует перед НКПС и Наркомземом РСФСР об оставлении Кузнецова на агрономической работе в Маньчжурии в должности коммерческого агента.

---

¹ Кооператив рабочих факультетов, созданный в мае 1921 г. В момент образования он объединял три крупных рабфака: 1) им. Покровского, 2) им. К. Маркса и 3) Пречистенский, с общим числом членов 1.500 чел. (Кооперативный справочник: Москва — 1922. Издание Московского Потребительского Общества, стр. 89.)

² Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге — советско-китайский конфликт, произошедший после захвата 10 июля 1929 года китайскими властями контроля над КВЖД. После бесплодных переговоров 12 октября начались наступательные операции Красной армии, в результате которых китайские войска понесли значительные потери. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол, положивший конец конфликту и восстановивший статус дороги, существовавший до столкновений.

В 1931 году в Харбин приезжают жена Елизавета Андреевна и дочь Мария (моя мама), которая заканчивает там общеобразовательную семилетку, потом Индустриально-транспортный техникум КВЖД для детей граждан СССР и в 1934-м поступает в Харбинский Политехнический институт.

Дедушка успешно продвигается по служебной лестнице. В 1931 году его назначают заведующим Харбинским опытным полем, а уже в следующем году назначают врио начальника Земельного отдела Управления КВЖД. Им написаны несколько статей об агротехнике сои для периодического журнала «Вестник Маньчжурии», издававшегося в Харбине, и книга по аналогичной тематике.

После продажи КВЖД Маньчжоу-Го, в начале апреля 1935 года, дедушка с семьей возвращаются в Москву. Работает старшим агрономом — зав. сектором ЦУРС (Центральное управление рабочего снабжения) НКПС, а затем, в 1936 году, откомандирован в Наркомзем СССР, где занимает различные «агрономические» должности.

8 В феврале 1941 года по сокращению штатов уволен из Наркомзема и поступает на работу в Загорский прицесовхоз им. Ворошилова и занимает должность управляющего и агронома участка «Семхоз».

Таков вкратце жизненный путь моего дедушки до ГУЛАГа.

В 1961–1962 годах им были написаны две тетради воспоминаний, охватывающие период от ареста в 1941-м до освобождения в 1955 году — после 14-летнего пребывания в лагерях. Про период реабилитации он практически ничего не успел написать из-за смерти в 1962 году.

Оригиналы воспоминаний хранятся в архиве общества «Мемориал» (ф.1, оп.5 д. 1348). Воспоминания публикуются впервые.

Архивное уголовное дело № Р-2187 хранится в Центральном архиве ФСБ, часть документов из него и из семейного архива публикуется во второй части книги.

Все тексты воспроизводятся в соответствии с современными правилами орфографии, орфографические ошибки, опiski и опечатки исправлены без оговорок.

В угоду культа личности

*Воспоминания
Степана Ивановича Кузнецова*

Предисловие автора

10

Я долго раздумывал, стоит ли мне писать о тех грустных переживаниях, которые мне пришлось перенести за четырнадцатилетнее пребывание в лагерях, когда в течение многих лет в нашей стране царил произвол. Во имя культа личности направо и налево арестовывались члены КПСС, независимо от их заслуг перед революцией, от положения в партии и т.д. После раздумий я все же решил, что надо писать ради установления истины, тем более что на XXII съезде коммунистической партии Н.С. Хрущев в заключительном слове сказал: «Наш долг тщательно и всесторонне разобраться в такого рода делах, связанных со злоупотреблением властью... Но нужно, чтобы в истории партии об этом было правдиво рассказано, это для того, чтобы подобные явления никогда не повторялись».

Особенный произвол творился в отношении товарищей, которые партийными и правительственными органами направлялись работать за границу.

Эти товарищи посылались за границу как стойкие партийные и советские работники, но, когда они возвращались в пределы своей социалистической родины, на них смотрели как на иностранных шпионов, предателей родной Коммунистической партии. За ними устанавливалась слежка, потом их арестовывали вместе с женами, а их детей часто бросали на произвол судьбы, и многие из них становились беспризорными...

Их судили или же без суда и следствия ссылали в лагеря на 10–15–20 и 25 лет, где они терпели голод, холод и нечеловеческие издевательства; многие свое брэнное тело оставили на «девятой деланке» лагерей. Сколькó было погублено ни за что старых и молодых человеческих жизней.

Одним из многих несчастных товарищей был и я. Не совершив никакого преступления против своей родной Коммунистической партии, против своей Социалистической родины, я все же по прои́скам врагов народа, в угоду культа личности, в 1941 году, в апреле месяце, был арестован и предан «Бутырскому» суду, именуемому Верховным судом Советского Союза, который приговорил меня к 15 годам ИТЛ.

Во время сидки в тюрьме меня подвергали самым гнусным издевательствам, какие в старой России творились в средневековые времена.

Меня клали на «правеж», избивали резиновыми палками до потери сознания и не давали воды.

За 14-летнее пребывание в лагерях чего только мне не пришлось перенести: и холод, и голод, и унижения, вплоть до ношения на спине, брюках и фуражке презренных номеров.

Сколькó невзгод и унижений за это время претерпела моя ни в чем не повинная семья.

Сколькó было написано жалоб мною и моей семьей на имя того или иного высокопоставленного лица в течение этих 14 лет в поисках справедливости и революционной законности.

Сколькó в то время у меня было веры в тех или других высокопоставленных лиц, но, к моему стыду и сожалению, эта высокопоставленная «братия» работала не в угоду Советскому народу, не в угоду революционной законности, она работала в угоду культа личности, в угоду презренного врага партии и советского народа иностранного шпиона Берии.

И лишь со смертью Сталина и разоблачением Берии, как врага Коммунистической партии и Советского народа, Советский народ вздохнул свободно. И только тогда и для нас, и для наших семей наступило торжество свободы и справедливости...

1. Арест

Я в то время работал под Загорском Московской области, в одном совхозе агрономом.

Весна в разгаре, в совхозе идет усиленная подготовка к весенней посевной: трактора и сельхозинвентарь отремонтирован; посевной материал подготовлен; проверен на всхожесть, чистоту и влажность.

12 20 апреля был произведен первый выход в поле, так что все говорило в пользу того, что совхоз полностью готов к весенней посевной. Дело оставалось лишь за почвой, на которой еще лежал снег, в особенности в низких местах.

Вечером 24 апреля я созвал совхозный актив, на котором был рассмотрен пятилетний план раскорчевки леса и кустарника для расширения посевной площади совхоза. Заседание продолжалось допоздна, и мне пришлось ночевать у одного из работников совхоза, так как своей квартиры в совхозе у меня не было.

Утром 25 апреля 1941 года только что кончилась разрядка, я вошел в контору, сел за стол и приготовился позавтракать. Но не успел я выпить кружку молока, как ко мне в комнату без стука влетели три «молодчика», довольно солидных по комплекции, в штатской одежде.

Я был в недоумении, почему эти «молодчики» так бесцеремонно и нагло ворвались ко мне.

Не успел я еще от этой наглости очухаться, как один из них в довольно грубой форме обратился ко мне:

— Вы будете такой-то?

— Да, я.

— А чем вы можете это подтвердить?

Я, видя его наглость, в свою очередь обратился к нему:

— Скажите, пожалуйста, с каких это пор в Советском Союзе неизвестные люди так нагло врываются в дом, как бандиты, и требуют от хозяина документ, удостоверяющий личность? — И в свою очередь предлагаю этому «молодчику» предъявить мне его документ.

Он тогда полез в свой карман, вытащил маленькую книжечку и предъявил ее мне.

Это оказалось удостоверение личности, выданное НКГБ¹ Союза.

После чего я ему предъявил свой паспорт.

Как только он удостоверился, что перед ним находится именно тот человек, который им нужен, он предъявил мне документ на право у меня обыска и ареста...

Конечно, я этому не стал сопротивляться, поскольку это было бы бесполезно — а главное, я считал, что все это есть какое-то недоразумение...

Первым делом все, что было у меня в карманах — партийный билет, профсоюзный билет, паспорт, часы и деньги, — я выложил на стол. Не доверяя мне, один из агентов, самый здоровый парень, проверил мои карманы, но там уже ничего не было — все лежало на столе.

Потом они стали производить тщательный обыск в моем письменном столе, а также в стоявшей здесь корзине.

Взяли у меня ключи от одной свободной комнаты и пошли туда с обыском, не приглашая меня.

Воспользовавшись свободным временем, я хотел возобновить свой прерванный завтрак, для чего спросил разрешения у присутствовавшего здесь агента, но он мне воспретил допить молоко и съесть кусок хлеба, вероятно, опасаясь, нет ли в молоке и хлебе отравляющих веществ.

Обыск окончен, документы отобраны, составлен соответствующий протокол, в котором не было записано ничего, инкриминирующего меня.

---

¹ Народный комиссариат Государственной безопасности был выделен 3 февраля 1941 г. из Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Протокол был подписан обеими сторонами, т.е. представителями НКГБ и мной.

После подписания протокола меня, как «важного государственного преступника», в сопровождении троих здоровенных «молодчиков», один из которых шел впереди, а двое по бокам, вывели из конторы.

Вышли на улицу; на улице в это время шел сильный мокрый снег, земля была покрыта белым, чистым снегом, как будто бы чистым белым саваном; ну, думаю, земля получит еще дополнительную влагу, а это для будущего урожая неплохо.

Так как их машина не въезжала на территорию совхоза, а остановилась примерно в 1,5 км от совхоза, то меня повели вдоль полотна железной дороги.

Дошли до машины, сели в нее. Меня посадили на заднее сиденье, а по бокам село по агенту, а один сел рядом с шофером. Поехали в Загорск...

В Загорске машина остановилась около гостиницы, где я временно проживал.

14

Один из агентов вышел из машины, а двое остались при мне; вышедший агент пошел в гостиницу, в номер, где я проживал, взял мои вещи — полотенце, мыло, зубную щетку и зубной порошок — и все это передал мне.

Потом поехали в районное отделение НКГБ. Здесь один из агентов снял телефонную трубку, набрал соответствующий номер и спросил кого-то: «Ну как у вас дела?»

Что ему ответил вызываемый им номер, для меня было неизвестно, но вызывавший сказал: «У нас все хорошо!»

Из этого разговора я понял, что он звонил ко мне на московскую квартиру и что там, вероятно, идет обыск. Если да, то надо полагать, что с обыском пришли ночью, с 24 на 25 апреля¹.

---

¹ В протоколе обыска в московской квартире указано, что он начался в 11 часов дня 25 апреля и закончился в 2 часа ночи 26-го (Архив Международного Мемориала. Ф.1. Оп.5. Д.1348. Л.134 об.).

В ходе обыска был наложен арест на имущество, лично принадлежавшее Кузнецову (книги и переписка по вопросам сельского хозяйства), которое было опечатано в 2-х корзинах и оставлено на хранение жене (ЦА ФСБ. АУД Р-2187. Л. 12.). Позднее, 21 мая, корзины были распечатаны, их содержимое изъято и доставлено в НКГБ.

В действительности так и было.
Вот, как мне рассказали впоследствии, было дело.

2. Обыск в квартире

В ночь на 25 апреля в квартиру пришли два офицера в форме НКГБ, прошли через коридор в комнату Полонских, там разделись и потом постучались в мою комнату; в комнате была одна жена.

Она была в недоумении: кто мог прийти к нам в столь позднее время? А еще больше была поражена, когда открыла дверь и увидела перед собой двух человек в военной форме.

Эти два молодца вошли в комнату и предъявили ей документы на право обыска¹. Вместе с ними было двое уполномоченных² из жильцов нашего дома.

После предъявления документа на право обыска они немедленно приступили к делу.

15

Тогда же, 26 апреля, был наложен арест и оставлены (по описи) жене на хранение ценные вещи (фотоаппарат, часы и т.п.); 29 сентября 1941 года эти вещи были изъяты и в тот же день сданы по Акту в Госфонд, как конфискованные (Архив Международного Мемориала. Ф.1. Оп.5. Д.1348. Л.136, 137).

Кроме того, 26 апреля 1941 года были изъяты для доставления Кузнецову (в тюрьму) постельное и нательное белье, а также предметы гигиены. Все изъятые предметы сданы по описи дежурному помощнику внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД (Архив Мемориала. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1348. Л. 136). Подпись об их получении Кузнецовым в документах отсутствует.

Обыски и изъятия производились и в других местах:

— в Загорском птицеводхозе — с 8:30 до 10:30, 25 апреля 1941 г., изъяты личные документы, записные книжки, переписка, «клочки порванных двух записок, написанные карандашом, всего 18 клочков»... (ЦА ФСБ. АУД Р-2187. Л. 10 и 11);

— по месту предыдущей работы — в Наркомате совхозов РСФСР, 26 апреля 1941 г., изъято личное дело на 8 листах (Там же. Л. 9);

¹ Ордер на производство ареста и обыска (см. Документ 3.).

² Понятых.